

По дѣлу Густава Пипирса и Леонида Витвицкаго.

Докл. д. Сенаторъ А. Ф. Кони.

По возбужденному моими вѣрителями, Тунцельманомъ, Галицкимъ и Тонагелемъ, противъ редакторовъ „Düna Zeitung“ Пипирса и „Рижскаго Вѣстника“ Витвицкаго, дѣлу по обвиненію перваго въ клеветѣ и оскорбленіи въ печати (ст. 1535 и 1040), а втораго въ оглашеніи въ печати слуховъ, вредящихъ чести, достоинству и доброму имени моихъ вѣрителей (ст. 1039), С.-Петербургская судебная палата, по уголовному департаменту, приговоромъ, состоявшимся 18 января сего года и объявленнымъ въ окончательной формѣ 29 января, опредѣлила: въ измѣненіе приговора Рижскаго окружнаго суда, состоявшагося 23 мая 1890 г., подсудимаго Густава Иванова Пипирса, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., признать по суду оправданнымъ, а подсудимаго Леонида Николаева Витвицкаго, на основаніи 1039 ст. улож. о наказ., подвергнуть опредѣленному означеннымъ приговоромъ суда наказанію. Приговоромъ-же Рижскаго окружнаго суда Витвицкій былъ подвергнутъ денежному взысканію въ сто рублей. Находя этотъ приговоръ неправильнымъ и подлежащимъ отмянѣ въ кассационномъ порядкѣ, въ виду допущенныхъ судебною палатою процессуальныхъ нарушеній и неправильнаго истолкованія ею закона, и имѣю честь обратить вниманіе кассационнаго департамента на слѣдующіе доводы. I) Въ засѣданіи судебной палаты отъ 18 января мною заявлено было ходатайство объ оставленіи апелляціоннаго отзыва подсудимаго Пипирса безъ разсмотрѣнія, такъ какъ таковой поданъ былъ имъ по истеченіи апелляціоннаго срока, и хотя Рижскій окружный судъ и возстановилъ ему срокъ на подачу такового, но сдѣлалъ это, вопреки 868 ст. уст. угол. суд., безъ уважительныхъ, по моему мнѣнію, причинъ, ибо болѣзненное состояніе Пипирса, имѣвшаго къ тому же еще защитника и повѣреннаго въ лицѣ Рудника, засвидѣтельствованное врачомъ лишь по истеченіи двухъ недѣль со дня окончанія апелляціоннаго срока, не можетъ считаться уважительною причиною, въ смыслѣ придаваемомъ ей статьею 868. Палата оставила мое ходатайство безъ послѣдствій, находя, что отзывъ, принятый судомъ, во всякомъ случаѣ подлежитъ разсмотрѣнію палаты. Такое постановленіе я считаю неправильнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Опредѣленія суда о возстановленіи апелляціоннаго срока не принадлежатъ къ числу тѣхъ опредѣленій, упоминаемыхъ въ ст. 893 и 894 уст.

ПРОВЕРКА

6/18

Переводъ 1950

угол. суд., которыя могутъ быть обжалованы въ частномъ порядкѣ отдѣльно отъ апелляціи. Жалоба на такія опредѣленія возможна, слѣдовательно, только въ апелляціонномъ отзывѣ. Помѣстить же ее въ апелляціонномъ отзывѣ представляется фактически невозможнымъ, такъ какъ апелляціонный срокъ кончается для обѣихъ сторонъ въ одинъ и тотъ же день, и если посему одной сторонѣ, по истеченіи срока, таковой былъ возстановленъ судомъ, то отзывъ другой стороны къ тому времени уже долженъ быть поданъ и, слѣдовательно, въ немъ жалоба на возстановленіе противной сторонѣ срока фактически не можетъ быть помѣщена. Изъ этого слѣдуетъ, что протестовать противъ такого опредѣленія суда возможно только при разсмотрѣніи дѣла въ засѣданіи палаты. Въ настоящемъ случаѣ опредѣленіе суда состоялось чрезъ двѣ недѣли по истеченіи апелляціоннаго срока и подачи моими вѣрителями отзыва и потому жаловаться на него я могъ только въ день разбора дѣла въ палатѣ. Кромѣ того я узналъ о подачѣ жалобы Пипирсомъ только тогда, когда дѣло уже находилось въ палатѣ, ибо судъ, вопреки рѣшенію уголовного кассационнаго департамента по дѣлу Дмитріева 1881 г. № 37, возстановивъ Пипирсу срокъ, не поставилъ моихъ вѣрителей объ этомъ въ извѣстность. Отказомъ своимъ обсудить заявленную мною жалобу на возстановленіе Пипирсу апелляціоннаго срока палата создаетъ такое положеніе для считающей свои права нарушенными этимъ возстановленіемъ стороны: подать частную жалобу она не можетъ по закону, заявить объ этомъ въ апелляціонномъ отзывѣ фактически невозможно,—а заявленіе жалобы при слушаніи дѣла оставляется безъ разсмотрѣнія. Такое положеніе создаетъ для окружнаго суда возможность совершенно безконтрольно возстановлять срокъ на подачу отзыва, между тѣмъ законъ не могъ имѣть въ виду предоставить такой важный процессуальный моментъ, какъ возстановленіе срока, такъ глубоко затрагивающій права противной стороны, исключительно усмотрѣнію одной только нисшей инстанціи. Изъ смысла рѣшеній уголовного кассационнаго департамента по дѣлу Романюты и Климова 1873 г. № 347 и Казакова 1870 г. № 924 видно, что кассационный департаментъ считаетъ безусловно возможнымъ обсужденіе правильности возстановленія апелляціоннаго срока въ апелляціонной инстанціи, если о томъ „предъявлена жалоба,“ какъ говорится въ рѣшеніи по дѣлу Казакова. Въ виду сего отказъ палаты обсудить мою жалобу по этому предмету представляется неправильнымъ и противорѣчащимъ точному смыслу ст. 868, 892 и 900 уст. угол. суд. Точно также и Рижскій окружный судъ, не сообщивъ моимъ вѣрителямъ о постановленіи своемъ касательно возстановленія Пипирсу срока, нарушилъ ст. 868 уст. угол. суд. и поступилъ несогласно съ разъясненіемъ кассационнаго департамента по дѣлу Дмитріева 1881 г. II) Судебная палата

не дозволила мнѣ сослаться въ моихъ словесныхъ объясненіяхъ на представленныя мною къ дѣлу нѣкоторыя статьи газеты „Düna Zeitung“ на томъ основаніи, какъ сказано въ протоколѣ судебного засѣданія, что статьи эти не касаются частныхъ обвинителей и потому не относятся къ дѣлу, что въ задачи палаты не входитъ опредѣлить вообще направленіе газеты „Düna Zeitung“, а предстоитъ лишь разрѣшить вопросъ объ оскорбленіи въ печати частныхъ обвинителей, и что для разрѣшенія этого вопроса могутъ въ данномъ дѣлѣ служить лишь самое содержаніе и способъ изложенія инкриминируемыхъ статей. Отказъ по такимъ мотивамъ я считаю неправильнымъ, ибо нигдѣ въ законахъ судопроизводственныхъ или въ ул. о нак. не сказано, чтобы кругъ доказательствъ, которыя можетъ приводить оклеветанный въ печати, долженъ быть ограниченъ исключительно тѣми, которыя могутъ быть почерпаемы изъ инкриминируемой статьи. Вообще уголовный законъ нигдѣ не дѣлаетъ ограниченій относительно способа доказыванія наличности извѣстнаго преступленія или проступка и мнѣніе палаты относительно возможнаго способа доказыванія клеветы исключительно изъ содержанія статьи, заключающей въ себѣ клевету, не можетъ быть ею подкрѣплено ссылкой на какое либо законоположеніе, ибо такого не существуетъ. Въ дѣлахъ по обвиненію въ клеветѣ, какъ и во всякомъ другомъ преступленіи, для обвинителя важно установить наличность и степень преступнаго умысла, а также и указать увеличивающія вину подсудимаго обстоятельства. Представляя упомянутыя статьи и выдержки изъ газеты „Düna Zeitung“ редактируемой Пиписомъ, я именно и имѣлъ въ виду доказать, съ одной стороны, наличность прямого умысла у Пиписса оклеветать моихъ вѣрителей, такъ какъ изъ содержанія этихъ статей видно будетъ, что онъ безпрестанно взводилъ различныя обвиненія и инсинуаціи противъ извѣстной части рижскаго общества, къ которой онъ въ инкриминируемой статьѣ причисляетъ и моихъ вѣрителей, съ другой же стороны, я хотѣлъ доказать содержаніемъ этихъ статей, что Пиписъ, помѣщая такую клевету въ своей газетѣ на моихъ вѣрителей, дѣйствовалъ изъ корыстныхъ цѣлей, унижая въ глазахъ публики такихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ другому публицистическому лагерю и которыя, по его мнѣнію, препятствовали распространенію его газеты. Если принять во вниманіе, что отзывъ моихъ вѣрителей стремится исключительно къ достиженію возвышенія мѣры наказанія Пипису въ силу отягчающихъ его вину обстоятельствъ, то существенное значеніе для меня выясненія и доказыванія вышеприведенныхъ дѣйствій Пиписса становится совершенно яснымъ. Не разрѣшая мнѣ доказывать наличность увеличивающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, палата тѣмъ самымъ лишила меня возможности подкрѣпить доказательствами апелляціонный отзывъ мо-

ихъ вѣрителей. Такія дѣйствія палаты въ этомъ отношеніи нельзя не признать нарушающими мои права, какъ стороны въ процессѣ, основанныя на 630 ст. уст. угол. суд., кою разрѣшается частному обвинителю представлять, въ подтвержденіе своихъ показаній, доказательства, какія бы они ни были, разъ приведеніе ихъ прямо не воспрещено закономъ. III) Судебная палата, обсуждая вопросъ о виновности Пипирса въ клеветѣ, находитъ, что хотя лживость сообщенныхъ въ статьѣ „Наши Балты“ свѣдѣній и должна быть признана достаточно установленною, но свѣдѣнія, сообщенныя въ этой статьѣ, не подходятъ подъ понятіе клеветы, подъ которою разумѣется завѣдомо ложное или незавѣдомо справедливое обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, причемъ содержаніемъ клеветы могутъ быть лишь выразившіеся внѣ и при томъ опредѣленныя дѣйствія или поступки. Въ инкриминируемой же статьѣ не указывается на какія либо опредѣленныя дѣйствія обвинителей; что же касается другаго признака клеветы, чтобы взведенное обвиненіе было противно правиламъ чести, то палата, ссылаясь на рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Демидова, согласно которому опредѣленіе того, что противно правиламъ чести, не имѣется въ законѣ, а подчиняется общепринятому понятію, находитъ, что взведенныя Пипирсомъ на частныхъ обвинителей обвиненія не представляются противными правиламъ чести. Такимъ образомъ палата усматриваетъ въ дѣяніи Пипирса отсутствіе двухъ существенныхъ признаковъ состава преступленія клеветы. 1) Остановливаясь прежде всего на первомъ изъ приводимыхъ палатою признаковъ преступленія клеветы, чтобы ложное обвиненіе касалось опредѣленныхъ, выразившихся во внѣ, дѣйствій даннаго лица—я нахожу, что толковать въ такомъ буквальномъ смыслѣ употребляемая статьею 1535 ул. слова „дѣяніе, противное правиламъ чести“ представляется неправильнымъ. Не говоря уже о томъ, что по уголовной терминологіи „преступное дѣяніе“ означаетъ, какъ опредѣленное дѣйствіе, такъ и упущеніе и преступное бездѣйствіе, толкованіе слова „дѣяніе“ въ ст. 1535 въ такомъ узкомъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ палата, привело бы къ полной ненаказуемости цѣлаго ряда самыхъ возмутительныхъ лживыхъ обвиненій, не заключающихъ тѣмъ не менѣе въ себѣ указаній на опредѣленные поступки, съ точки зрѣнія судебной палаты, но однако явно оскорбительныхъ для чести даннаго лица и опорочивающихъ его доброе имя, напримѣръ такія обвиненія, которыя касаются характера, образа мыслей, политической благонадежности, или просто умственныхъ способностей его. Можно было бы безнаказанно печатать, что X лишился разсудка и его хотять отправить въ домъ умалишенныхъ, что У, состоящій на государственной службѣ, поклонникъ революціонныхъ идей, что Z посѣщаютъ молодые люди, въ отсутствіе ея мужа

и т. д. Во всемъ этомъ, по мнѣнію судебной палаты, не было бы указаній на опредѣленный поступокъ даннаго лица, но развѣ кто либо усумнился бы тутъ въ наличности клеветы? Рѣшенія уголовного кассационнаго департамента, касающіяся этого вопроса, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что для признанія состава клеветы вовсе не требуется указанія какого либо опредѣленнаго поступка: оклеветать кого либо можно даже простымъ отзывомъ о немъ, лишь бы только отзывъ этотъ касался вообще образа дѣйствія даннаго лица. Правительствующій Сенатъ призналъ, что всякое распространеніе ложныхъ слуховъ, направленныхъ противъ чести извѣстнаго лица, есть клевета (рѣш. 1871 г. № 168); даже обозваніе человѣка такимъ словомъ, которое совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о цѣломъ рядѣ противныхъ чести поступковъ, составляетъ клевету (рѣш. 1871 г. № 13.) Такимъ образомъ Правительствующимъ Сенатомъ были признаны за клевету: обозваніе женщины публичною, такъ какъ съ этимъ именемъ связано понятіе о постоянныхъ непотребныхъ дѣйствіяхъ (рѣш. 1870 г. № 221); названіе женщины „пьяницею“ (рѣш. 1868 г. № 488), или употребляемымъ въ простонародномъ языкѣ словомъ, означающимъ продажную женщину (1871 г. № 13.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ не было бы указанія на опредѣленный поступокъ, совершившійся въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, а есть лишь отзывъ о данномъ лицѣ, касающійся его дѣятельности, или его образа дѣйствій вообще. Обсуждая съ такой точки зрѣнія цитируемая палатою отдѣльныя фразы статьи: „Наши Балты“, нужно придти къ заключенію, что всѣ онѣ содержатъ въ себѣ отзывы о частныхъ обвинителяхъ, касающіеся дѣйствій ихъ и потому должны быть подведены подъ понятіе клеветы. „Тунцельманъ (нотаріусъ), Тонагель (адвокатъ), докторъ Галицкій и здѣшній экспедиторъ Гикишъ вчерашняго числа завтракали совмѣстно въ ресторанѣ Маргери, на бульварѣ Бонъ-Нуviel. Въ обществѣ были четыре кокотки“ (или вѣрнѣе какъ значитъ въ нѣмецкомъ текстѣ: съ ними были четыре кокотки) пишетъ Пипирсъ. Что это значить, какъ не то, что они привели, или пригласили къ себѣ четырехъ кокотокъ и съ ними вмѣстѣ завтракали? „Наши балты были пьяны отъ вина, какъ стельки“. Отзывъ о комъ либо, что онъ былъ пьянъ, указываетъ на то, что онъ напился, выпилъ не въ мѣру, слѣдовательно совершилъ извѣстный непристойный поступокъ. „Хорошенько обругали русскихъ и, наконецъ, было провозглашено „Ноч“ за князя Бисмарка“. Развѣ тутъ не имѣется прямаго указанія на извѣстныя дѣйствія? „Наши балты получили изрядное число пощечинъ и безъ церемоніи были выброшены изъ ресторана“. Палата находитъ, что въ этихъ словахъ обвинителямъ не приписывается какого либо „дѣянія“, противнаго

правиламъ чести. Въ сообщеніи позоряшаго слуха, что тотъ или другой получилъ пощечину, скрывается всегда намекъ на то, что это лицо своимъ поступкомъ или поведеніемъ заслуживало тяжкаго оскорбленія. Въ данномъ случаѣ, обращаясь къ основной мысли сообщаемого Пипирсомъ эпизода, не трудно найти прямое указаніе того, что обвинители своимъ поведеніемъ вызвали такое обращеніе съ ними. Основная мысль всей замѣтки та: обвинители вели себя такъ, что ихъ били по щекамъ и выбросили изъ ресторана. На это Пипирсъ прямо указываетъ, говоря, что они напились пьяны и въ столицѣ Франціи пили за здоровье князя Бисмарка; на это же указываетъ и нравоучительный конецъ замѣтки: „наши земляки получили по крайней мѣрѣ урокъ, во первыхъ, что здѣсь, во Франціи, нельзя такъ напиваться, какъ въ Ригѣ и во вторыхъ, что всегда слѣдуетъ уважать ту странъ, въ которую человекъ прибылъ съ цѣлью веселиться“. Такимъ образомъ и тутъ есть указаніе на дѣйствія обвинителей, якобы заслуживающихъ пощечинъ. Въ виду вышеизложеннаго, я заключаю, что инкриминируемыя статьи безусловно содержатъ въ себѣ указанія, касающіяся дѣйствій обвинителей и, слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ клевету. 2) Обращаясь ко второму признаку состава преступленія клеветы: чтобы дѣяніе, въ которомъ обвиняется данное лицо, было противнымъ правиламъ чести, я нахожу, что въ настоящемъ дѣлѣ судебная палата неправильно истолковала смыслъ и значеніе слова „честь“. Подъ словомъ „честь“ ст. 1535, очевидно, подразумѣваетъ не только „честность“ и „противное правиламъ чести“ не имѣетъ значенія исключительно только „безчестнаго“. Подъ словомъ „честь“, упоминаемымъ въ ст. 1535, слѣдуетъ разумѣть совокупность всѣхъ тѣхъ этическихъ качествъ, которыми человекъ заставляеть общество питать чувство уваженія къ своей личности, которыя возвышаютъ его въ глазахъ людей, и которыми онъ долженъ болѣе всего дорожить. Подъ понятіе „чести“ въ данномъ случаѣ подходитъ и нравственность, и достоинство, и внѣшняя порядочность, и доброе имя. Поэтому, „противно правиламъ чести“ будетъ все то, что противно нравственности, достоинству, порядочности, что непристойно, что позоритъ доброе имя или лишаетъ общественнаго довѣрія. Короче выражаясь, противно правиламъ чести все то, что не служитъ къ чести даннаго лица. Палата, ссылаясь на рѣшеніе уголовного кассационнаго департамента 1870 г. № 822, говоритъ, что законъ не опредѣляетъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, а подчиняетъ это общепринятому понятію, но при этомъ не указываетъ, что она сама считаетъ противнымъ чести и въ дальнѣйшемъ ограничивается указаніями, что то или другое, взводимое въ статьѣ, „Наши Балты“ на моихъ

вѣрителей обвиненіе не составляетъ противнаго правиламъ чести. Между тѣмъ, при вышеуказанномъ толкованіи слова „честь“ всѣ взводимыя Пипирсомъ на моихъ вѣрителей обвиненія должны считаться дѣянiami, противными правиламъ чести. Завтракать въ ресторанѣ среди бѣлаго дня съ кокотками, которыхъ они пригласили (палата тутъ неправильно понимаетъ смыслъ словъ „въ ихъ обществѣ были четыре кокотки“, толкуя ихъ такъ „въ обществѣ, въ которомъ въ числѣ другихъ и кокотки“), составляетъ безусловно позорный для людей семейныхъ и образованныхъ поступокъ, и такое отерятое сближеніе съ продажными женщинами не могло бы не повредить ихъ репутаціи и добру имени, а потому оно противно правиламъ чести. Быть пьяными, какъ стельки или какъ ежи—дѣло тутъ не въ сравненіи, а въ томъ, что этимъ сравненіемъ хотѣли выразить высшую степень опьяненія—тоже не служить къ чести оговариваемыхъ лицъ. Что разглашеніе ложныхъ слуховъ о томъ, что извѣстное лицо напилось пьянымъ, составляетъ клевету, это уже было разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1863 г. № 488, и нельзя отрицать того, что опьяненіе себя въ публичномъ мѣстѣ до состоянія животнаго, хотя бы только ежа или стельки, несогласно съ честью и достоинствомъ человѣка. Ругать въ чужой сторонѣ русскихъ, будучи самъ русскимъ подданнымъ и провозгласить „Hoch“ въ честь князя Бисмарка, который считался и считается творцомъ направленной противъ Россіи коалиціи западныхъ державъ, во всякомъ случаѣ не можетъ считаться поступкомъ, согласнымъ съ честью русскаго вѣрно-подданнаго. Палата находитъ, что это не есть поступокъ, противный правиламъ чести потому, что принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ смыслѣ. Но палата тутъ упускаетъ изъ виду, что между неблагопріятнымъ отзывомъ и „руганіемъ“ есть разница, помимо же сего, я полагаю, что въ мірѣ нѣтъ ни одного народа, который униженіе къмъ либо своихъ соотечественниковъ, оскорбленіе народности, къ которой онъ принадлежитъ, при томъ въ чужой странѣ, въ присутствіи чужестранцевъ, не считалъ бы безчестнымъ поступкомъ. Ругать, слѣдовательно, посягать на честь той большой семьи, которая носитъ названіе русскаго народа и къ которой данное лицо само принадлежитъ, хотя бы на правахъ усыновленнаго или приемыша, безусловно безчестно. То же самое слѣдуетъ сказать относительно чествованія лица, считающагося врагомъ, или только тайнымъ противникомъ Россіи. Взведенное Пипирсомъ этимъ сообщеніемъ обвиненіе на моихъ вѣрителей представляется клеветою самаго возмутительнаго характера, клеветою на политическую благонадежность людей, тѣмъ, что въ обыденномъ языкѣ принято называть лживымъ доносомъ.

Наконецъ, послѣднее, что приписывается Пипирсомъ обвинителямъ, что они благодаря своему поведенію получили пощечины и были выброшены изъ ресторана, естественно, если бы имѣло мѣсто, не послужило бы къ чести ихъ, представлялось бы позорнымъ для нихъ. Что въ этомъ заявленіи есть ссылка на дѣйствія или „дѣянія“ ихъ, это я уже доказывалъ выше, а что вести себя такъ, что заслуживаешь самаго тяжкаго личнаго оскорбленія, пощечины, вредить чести и достоинству лица, это не подлежитъ сомнѣнію, признается судебною палатою въ ея приговорѣ. Резюмируя, такимъ образомъ, все вышесказанное, я нахожу, что палата неправильно толкуетъ смыслъ 1535 ст. относительно употребляемыхъ въ этой статьѣ словъ „дѣяніе, противное правиламъ чести,“ и что содержаніе статьи „Наши Балты“ вполне соотвѣтствуютъ смыслу преступленія, предусмотрѣннаго означенною статьею, заключаая въ себѣ обвиненія, касающіяся дѣйствій противныхъ правиламъ чести. IV) Судебная палата относительно Витвицкаго утвердила приговоръ Рижскаго окружнаго суда, коимъ онъ приговоренъ къ штрафу въ 100 рублей. При этомъ, однако, ни палата, ни судъ не указываютъ мотивовъ, по которымъ они признали возможнымъ признать къ нему нисшую мѣру наказанія, предусмотрѣннаго ст. 1039 улож. о нак. Указаніе суда, что Витвицкій не первый разгласилъ позорящія обвинителей обстоятельства, не можетъ считаться смягчающимъ вину подсудимаго обстоятельствомъ, ибо законъ относительно диффамаци не дѣлаетъ различія въ наказуемости, кто первый и кто послѣдній разгласилъ позорящіе слухи. Судъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ указать, на точномъ основаніи рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣлу Журина 1869 г. № 661 и Гудкова 1870 г. № 34, тѣ обстоятельства изъ упомянутыхъ въ ст. 134³ улож., по которымъ онъ призналъ возможнымъ смягчить наказаніе подсудимому. Обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ ст. 134, ни въ приговорѣ суда, ни палаты, не указывается. Въ виду всего вышеизложеннаго, я покорнѣйше прошу уголовный кассационный департаментъ Правительствующаго Сената приговоръ С.-Петербургской судебной палаты отъ 18 января 1891 г., за нарушеніемъ и неправильнымъ толкованіемъ ст. ст. 630, 766, 868, 900 и 892 уст. угол. суд., ст. 134 и 1535 улож. о наказ. и рѣшеній уголовного кассационнаго департамента 1881 г. № 37, Дмитріева, 1873 г. № 347, Романюты, 1870 г. № 924, Казакова, 1870 г. №№ 221 и 1288, 1871 г. №№ 13 и 168, 1869 г. № 661 и 1870 г. № 31, отмѣнить и передать дѣло на разсмотрѣніе другой судебной палаты.

Приговоръ С.-Петербургской судебной палаты.

1891 года января 18 дня, по указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, С.-Петербургская судебная палата, по уголовному департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали: предсѣдательствующій П. К. Гераковъ, члены палаты: Ф. В. Лерхе, П. Д. Эллидовъ, при помощникѣ секретаря Л. М. Афросимовъ слушала: дѣло

по обвиненію: бывшаго редактора издателя газеты „Düna Zeitung“ Густава Пипирса и редактора газеты „Рижскій Вѣстникъ“ Леонида Витвицкаго въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1535, 1040 и 1039 ст. улож. о наказ. Приговоромъ Рижскаго окружнаго суда отъ 23 мая 1890 года Густавъ Ивановъ Пипирсъ и Леонидъ Николаевъ Витвицкій признаны виновными въ томъ: первый—что въ № 156, отъ 13 іюля 1889 года, редактируемой имъ газеты „Düna Zeitung“, въ статьѣ „Наши Балты“, помѣстилъ отзывъ о томъ, что адвокаты Тунпельманъ и Тонагель и докторъ Галицкій, находясь въ одномъ изъ ресторановъ гор. Парижа, дозволили себѣ противный чести и достоинству образъ дѣйствій, причемъ онъ, Пипирсъ, разглашая въ означенной статьѣ эти свѣдѣнія самъ лично не былъ убѣжденъ въ ихъ справедливости, и второй въ томъ, что въ передовой статьѣ отъ 14 іюля 1889 года редактируемой имъ газеты „Рижскій Вѣстникъ“ огласилъ о названныхъ лицахъ обстоятельства, могущія повредить ихъ чести; достоинству и доброму имени; по обвиненію же въ томъ, что въ подцензурномъ повременномъ изданіи названной газеты „Düna Zeitung“ въ № 156, отъ 13 іюля 1889 года, въ статьѣ „Наши Балты“ дозволилъ себѣ помѣстить о тѣхъ же лицахъ оскорбительный отзывъ, заключающій въ себѣ злословіе и брань, тотъ же Пипирсъ признанъ невиновнымъ. Вслѣдствіе сего означеннымъ приговоромъ подсудимые присуждены: Пипирсъ—на основаніи 1535, 149, 3 ст. 38, 134, 135, 1 ст. 39 и 56 ст. улож., къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяць, причемъ окружный судъ, въ виду ходатайства частныхъ обвинителей и на основаніи 1536 ст. улож. о наказ. и 75 ст. устава о печати, опредѣлилъ напечатать настоящій приговоръ, на счетъ осужденнаго Пипирса, въ С.-Петербургскихъ, Московскихъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а Витвицкій—на основаніи 1039 и 149 ст. улож. о наказ. къ денежному взысканію, подлежащему въ порядкѣ 42 ст. улож. зачисленію въ доходъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ ста рублей, съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности подсудимаго къ уплатѣ этого взысканія, арестомъ при тюрьмѣ въ теченіи десяти дней, согласно 2 п. 84 и 56 ст. улож.; по обвиненію же въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1040 ст. улож., подсудимый Пипирсъ, согласно 61 ст. устава о печати и 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., признанъ по суду оправданнымъ. На приговоръ этотъ принесены апелляціонные отзывы какъ подсудимыми Пипирсомъ и Витвицкимъ (последнимъ чрезъ своего повѣреннаго Рудника), такъ и частными обвинителями (чрезъ присяжнаго повѣреннаго Морица) причемъ первые ходатайствуютъ о признаніи ихъ невиновными, доказывая отсутствіе въ дѣяніяхъ ихъ признаковъ преступленій, предусмотрѣнныхъ 1535 и 1039 ст. улож. о нак.; обвинители же просятъ о признаніи подсудимаго Пипирса виновнымъ также и по 1040 ст. улож. и о назначе-

ніи, какъ ему, такъ и другому подсудимому Витвицкому, указаннаго въ приведенныхъ статьяхъ улож. наказанія въ высшемъ размѣрѣ. Выслушавъ докладъ по настоящему дѣлу и пренія сторонъ и останавливаясь прежде всего на обвиненіи подсудимаго Пипирса въ клеветѣ, усматриваемой обвинителями, какъ видно изъ первоначальной жалобы ихъ, въ тѣхъ мѣстахъ названной статьи „Наши Балты“, гдѣ говорится о томъ, что въ ресторанѣ Маргери (въ Парижѣ) въ ихъ (обвинителей) обществѣ находились четыре кокотки, что „наши балты были пьяны отъ вина какъ стельки“ (Wie die Igel), и что во время здравицы за Бюнгнера они „хорошенько обрутали русскихъ“, судебная палата находитъ, что, согласно опредѣленію закона и неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, подъ клеветою разумѣется „завѣдомо ложное или не завѣдомо справедливое обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести“, при этомъ содержаніемъ клеветы могутъ быть лишь выразившіяся внѣ и при томъ опредѣленныя дѣйствія или поступки, при отсутствіи же этого существенно необходимаго условія дѣяніе не можетъ быть признано наказуемою клеветою. Что же касается до другаго существеннаго признака этого преступленія, т. е., чтобы взведенное обвиненіе было противно правиламъ чести, то въ этомъ отношеніи надлежитъ имѣть въ виду, что законъ не опредѣляетъ того, что должно разумѣть подъ дѣяніемъ противнымъ правиламъ чести, а подчиняетъ это опредѣленіе общепринятому понятію (рѣш. Правительствующаго Сената 1870 г. № 822, по д. Демидова). Примѣняя эти общія соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и не входя въ подробное обсужденіе вопроса о лживости означенныхъ помѣщенныхъ въ статьѣ „Наши Балты“, свѣдѣній, такъ какъ ложность ихъ должна быть признана достаточно установленною, какъ въ виду имѣющагося при дѣлѣ акта дознанія, произведеннаго въ Парижѣ, такъ и потому, что подсудимый Пипирсъ не представилъ никакихъ доказательствъ справедливости этихъ свѣдѣній, нельзя не признать, что помѣщенное въ инкриминируемой статьѣ „Наши Балты“ свѣдѣніе о томъ, что „въ ихъ (обвинителей) обществѣ находились четыре кокотки“ не содержитъ въ себѣ указанія на какое либо опредѣленное дѣйствіе со стороны обвинителей; кромѣ же того, если и усматривать въ этомъ „дѣяніи“ въ смыслѣ 1535 ст. улож., въ настоящемъ случаѣ отсутствуетъ другой вышеупомянутый существенный признакъ клеветы, ибо одна лишь бытность въ обществѣ, въ которомъ, въ числѣ другихъ лицъ, были и кокотки, сама по себѣ не составляетъ поступка безчестнаго, позорнаго; несомнѣнно, что въ извѣстныхъ случаяхъ поступокъ этотъ можетъ быть признанъ неприличнымъ, непристойнымъ, но конечно это не будетъ равносильнымъ или равнозначущимъ съ понятіемъ о „безчестномъ и позорномъ“. Тоже самое соображеніе примѣнимо и къ другому мѣсту на-

званной статьи, въ которомъ сказано, что „наши балты были пьяны отъ вина какъ стельки“. Фраза эта указываетъ лишь на то, что послѣдніе въ ресторанѣ Маргери выпили много вина и были пьяны, другихъ же выводовъ дѣлать изъ этой фразы не представляется возможнымъ, ибо и выраженіе „какъ стельки“, которое едва ли даже и можетъ быть признано вполне определеннымъ, можетъ указывать лишь на то, что лица, къ которымъ относилось это выраженіе, вышли изъ предѣловъ приличія, но отнюдь не даетъ права дѣлать выводъ о какомъ либо, допущенномъ ими при этомъ, безчестномъ или позорномъ дѣйствіи; но кромѣ того слово „Igel“, какъ это и признается и обвинителями въ ихъ апелляціонной жалобѣ, въ переводѣ на русскій языкъ значить „ежъ“ и такимъ образомъ получается еще менѣе определенная фраза („были пьяны какъ ежи“), подъ которою поэтому еще съ меньшимъ правомъ можно подразумѣвать какія либо позорныя или безчестныя дѣйствія. Наконецъ еще менѣе представляется основаній усматривать клевету въ указанной обвинителями послѣдней фразѣ инкриминируемой статьи „Наши Балты“, которою на послѣднихъ взводится обвиненіе въ томъ, что они „хорошо обругали русскихъ“. По мнѣнію палаты фраза эта не приписываетъ обвинителямъ „дѣянія“ въ смыслѣ 1535 ст. улож., а содержитъ въ себѣ лишь оскорбительный отзывъ о русскихъ, подобнаго-же рода отзывы не могутъ быть предметомъ клеветы; но кромѣ того здѣсь отсутствуетъ и другой существенный признакъ клеветы, въ виду того соображенія, что никто не лишень права имѣть свои взгляды и сужденія о другихъ лицахъ и въ этомъ, хотя-бы сужденія эти выражены были въ рѣзкой и оскорбительной формѣ, конечно не заключается ничего позорнаго и безчестнаго. Обиженный разумѣется можетъ возбудить преслѣдованіе за оскорбленіе его, если сужденія о немъ были для него оскорбительны, и такимъ образомъ дѣйствіе это можетъ получить преступный характеръ, однако и преступность такихъ сужденій не дѣлаетъ ихъ тѣмъ самымъ позорными и безчестными, ибо не все то, что воспрещено закономъ, позорно и безчестно; въ настоящемъ же случаѣ приписанное обвинителямъ „оскорбленіе русскихъ“ таково, что, если бы извѣстіе это и было справедливо, не представлялось бы возможнымъ возбудить противъ оскорбителей преслѣдованіе за обиду, ибо послѣдняя относилась бы не къ извѣстнымъ, определеннымъ лицамъ, а ко всѣмъ русскимъ и, такимъ образомъ, дѣйствіе это не только не могло бы получить преступнаго характера, но даже не было бы и ненаказуемою заочною обидою. Въ виду сего надлежитъ признать, что ложное приписаніе обвинителямъ въ означенной статьѣ, что они обругали русскихъ, составляетъ простую ненаказуемую ложь, но не заключаетъ въ себѣ признаковъ преступной лжи, помрачающей честь человѣка. Положеніе это не измѣняется и отъ того, что обвини-

тели, къ которымъ относилась ложь эта, русскіе же подданные, ибо принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ подсудимый Пипирсъ долженъ быть признанъ невиновнымъ по обвиненію въ клеветѣ, въ виду отсутствія въ указанныхъ обвинителями мѣстахъ инкриминируемой статьи признаковъ этого преступленія. Что же касается до того мѣста статьи „Наши Балты“, гдѣ говорится, что „наши балты получили изрядное число пощечинъ и ихъ безъ церемоніи выбросили изъ ресторана,“ то, не заключая въ себѣ признаковъ клеветы, такъ какъ и здѣсь обвинителямъ не приписывается никакого „дѣянія“, противнаго правиламъ чести, мѣсто это, однако, несомнѣнно содержитъ въ себѣ признаки предусмотрѣннаго 1 ч. 1039 ст. улож. о наказ., оглашенія въ печати такого обстоятельства, которое можетъ повредить чести, достоинству и доброму имени, т. е. диффамаци, но за это преступленіе подсудимый Пипирсъ, согласно разъясненію Правительствующаго Сената, преподанному въ рѣшеніи 1885 г. № 33, не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности въ силу того, что обвинители предъявили къ нему преслѣдованіе по 1535 и 1040 ст. улож. о наказ. Засимъ признаки второго преступленія, т. е. оскорбительнаго, заключающаго въ себѣ злословіе и брань, отзыва, обвинители, какъ видно изъ апелляціоннаго отзыва ихъ повѣреннаго, усматриваютъ въ томъ же мѣстѣ статьи „Наши Балты“, гдѣ употреблены выраженія, „были пьяны отъ вина какъ стельки“ (вѣрнѣе „какъ ежи“). Принявъ однако во вниманіе, что это-же самое выраженіе послужило обвинителямъ основаніемъ для предъявленія къ подсудимому Пипирсу обвиненія въ клеветѣ, слѣдуетъ признать, что обвиненіе сего послѣдняго, на основаніи того же выраженія, въ другомъ, вполнѣ самостоятельномъ, проступкѣ, предусмотрѣнномъ 1040 ст. улож. о наказ., не можетъ уже имѣть мѣста, притомъ же выраженіе это, въ виду неопредѣленности своей, о которой упомянуто выше, едва ли можетъ быть отнесено къ „злословію или брани“. Но, кромѣ того, отвѣтственность Пипирса за этотъ послѣдній проступокъ не можетъ имѣть мѣста еще и потому, что въ подцензурныхъ изданіяхъ, къ которымъ принадлежала и газета „Düna eitung“ взысканіе за преступленіе, предусмотрѣнное 1040 ст. улож., падаетъ на цензора, пропустившаго статью; въ тѣхъ же случаяхъ, когда статья, заключающая въ себѣ злословіе или брань, напечатана вопреки запрещенію цензора, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ, отвѣчаетъ типографщикъ, согласно 1024-1026 ст. улож. о наказ. и прав. уст. о цензурѣ. Такимъ образомъ и по этому обвиненію подсудимый Пипирсъ долженъ быть признанъ по суду оправданнымъ. Обращаясь, наконецъ, къ вопросу объ отвѣтственности редактора газеты „Рижскій Вѣстникъ“

Витвицкаго, палата находить, что то мѣсто передовой статьи этой газеты, отъ 14 іюля 1889 года, гдѣ помѣщено выраженіе, что „Французы, позабывъ французскую любезность, помяли имъ (обвинителямъ) изрядно прически, воротнички и бока, а затѣмъ выбросили ихъ на улицу, при хохотѣ этихъ дамъ“, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ признаки предусмотрѣнной 1039 ст. улож. о наказ. диффамаци, за которую и долженъ подлежать отвѣтственности подсудимый Витвицкій, при чемъ, какъ это правильно признано окружнымъ судомъ, ссылка подсудимаго на *Düna Zeitung*, какъ на источникъ означенной передовой статьи „Рижскаго Вѣстника“, нисколько не измѣняетъ позорящаго характера приведеннаго выраженія этой послѣдней статьи и не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію Витвицкаго отъ отвѣтственности. Такимъ образомъ апелляціонный отзывъ Витвицкаго долженъ быть признанъ не заслуживающимъ уваженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ палата не можетъ признать уважительнымъ и ходатайство обвинителей о назначеніи Витвицкому наказанія по 1039 ст. улож. о нак. въ высшей мѣрѣ, по отсутствію достаточныхъ къ тому основаній, къ которымъ не могутъ быть отнесены ни ссылка на вполнѣ самостоятельный характеръ этой статьи, основанной тѣмъ не менѣе на статьѣ „*Düna Zeitung*“ подъ названіемъ „Наши Балты“, ни совершенно-бездоказательное утвержденіе, что инкриминируемая статья „Рижскаго Вѣстника“ весьма сильно вредитъ чести и добруму имени обвинителей. По всеѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ судебная палата опредѣляетъ: во измѣненіе приговора Рижскаго окружнаго суда, состоявшагося 23 мая 1890 года, подсудимаго Густава Иванова Пиписра, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. судопр., признать по суду оправданнымъ, а подсудимаго Леонида Николаева Витвицкаго, на основаніи 1039 ст. улож. о наказ., подвергнуть опредѣленному означеннымъ приговоромъ суда наказанію.

1890 г. іюля 6 дня, Рижскій окружный судъ, въ распорядительномъ Опредѣленіе засѣданіи, по первому уголовному отдѣленію, въ составѣ предсѣдатель- Рижскаго окруж- ствующаго члена суда В. В. Лупалова и членовъ суда: А. Н. Діатропто- наго суда. ва и Ф. Ф. Квеста, при и. д. секретаря А. А. Голембіовскомъ и при уча- (л. д. 65 и об.) стіи прокурора А. Н. Познанскаго, слушалъ прошеніе редактора изда- теля газеты *Düna Zeitung* Густава Иванова Пиписра о возстановленіи сро- ка на подачу апелляціоннаго отзыва, приложеннаго къ означенному про- шенію, на состоявшійся о немъ и редакторѣ „Рижскій Вѣстникъ“ Ле- онидѣ Витвицкомъ 23 мая и объявленный въ окончательной формѣ 5 іюня, приговоръ Рижскаго окружнаго суда, коимъ онъ за клевету въ печати присужденъ къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяць. Выслушавъ

заключеніе прокурора и принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи 868 ст. у. у. с., изд. 1883 г., въ случаѣ пропуска срока по уважительнымъ причинамъ, возстановленіе его зависитъ отъ того же суда, противъ приговора коего отзывъ поданъ и 2), что заявленіе подсудимаго Пипирса о пропускѣ имъ срока по болѣзни находитъ подтвержденіе въ представленномъ имъ медицинскомъ свидѣтельствѣ, Рижскій окружный судъ опредѣляетъ: возстановивъ подсудимому Пипирсу срокъ на подачу апелляціонной жалобы, дѣло о немъ, согласно 877 ст. уст. уг. суд., вмѣстѣ съ апелляціоннымъ отзывомъ представить въ С.-Петербургскую судебную палату.

Выписка изъ
прошенія присяжнаго повѣреннаго Ливена въ С.-Петербургскую судебную палату отъ 24 октября 1890 г.
(л. д. 24 и об.).

Въ дополненіе къ поданному моими довѣрителями апелляціонному отзыву, честь имѣю представить при семъ нѣсколько номеровъ „Двинской газеты“ съ переводами выдержекъ изъ передовыхъ и другихъ статей этой газеты. Выдержки изъ этихъ статей представляются мною съ цѣлью доказать ими: 1) что напечатавъ въ № 156 за 1889 г. своей газеты статью „Наши Балты въ Парижѣ“, содержащую въ себѣ явно доказанную клевету на довѣрителей моихъ, Пипирсъ не относился только съ недостаточною осторожностью къ полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ справедливости коихъ онъ не былъ увѣренъ, какъ это полагаетъ Рижскій окружный судъ въ своемъ приговорѣ, а прямо слѣдовалъ по намѣченному имъ пути инсинуацій и личныхъ нападокъ противъ представителей мѣстной интеллигенціи и, слѣдовательно, явно злонамѣренно взводилъ клевету на моихъ довѣрителей, какъ лицъ принадлежавшихъ къ этой интеллигенціи; особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ статьи „о партіи балтійскихъ сепаратистовъ“, „Рижскій терроризмъ“ и „Безчинство въ Верманскомъ паркѣ“; 2) что Пипирсъ, говоря въ инкриминируемой статьѣ о томъ, что довѣрители мои якобы пили за здравіе Бисмарка, этимъ самымъ хотѣлъ ихъ обвинить въ не патріотическомъ поступкѣ, причемъ онъ лишь варьировалъ то, что онъ уже раньше писалъ о балтійцахъ, обвиняя ихъ въ германскихъ симпатіяхъ и поклоненіи Бисмарку; доказательствомъ послѣдняго служитъ статья „Партія Бисмарка“ „Крестовой газеты“ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Выписка изъ протокола засѣданія С.П.Б. судеб. палаты..

(л. д. 51, 52).

Предсѣдательствующій объявилъ, что палата приступитъ къ разрѣшенію ходатайствъ, изложенныхъ въ прошеніи повѣреннаго частныхъ обвинителей отъ 24 октября 1890 г.—Присяжный повѣренный Ливень, отказавшись отъ наведенія справки о судимости Пипирса за напечатаніе статьи безъ дозволенія цензуры, поддерживалъ остальные ходатайства. Защитникъ возраженій не представилъ. По совѣщаніи судей предсѣдательствующій объявилъ, что, принимая во вниманіе: 1) что указанныя въ

представленныхъ при означенномъ прошеніи №№ газетъ статьи не касаются частныхъ обвинителей и потому не могутъ относиться къ настоящему дѣлу, что въ задачи суда не входитъ опредѣлять вообще направленіе газеты *Dina Zeitung*, а суду предстоитъ лишь разрѣшить вопросъ объ оскорбленіи въ печати частныхъ обвинителей, что для разрѣшенія этого послѣдняго вопроса могутъ въ данномъ дѣлѣ служить лишь самое содержаніе и способъ изложенія инкриминируемыхъ статей; судебная палата постановила: прошеніе отъ 24 октября 1890 г. оставить безъ послѣдствій. . . . Палата приступила къ выслушанію судебныхъ преній. Повѣренный частныхъ обвинителей объяснилъ, что Пипирсъ пропустилъ срокъ на подачу апелляціоннаго отзыва, каковой ему возстановленъ Прерванный предсѣдательствующимъ, разъяснившимъ, что апелляціонный отзывъ Пипирса принять и подлежить разсмотрѣнію, присяжный повѣренный Ливень просилъ о занесеніи сего въ протоколъ, такъ какъ это обстоятельство, по мнѣнію его, подлежало провѣркѣ судебной палаты въ порядкѣ надзора. Поддерживая апелляціонный отзывъ и указавъ на то, что въ дѣлѣ нѣтъ смягчающихъ вину подсудимыхъ обстоятельствъ, повѣренный частныхъ обвинителей просилъ возвысить наказаніе подсудимымъ и напечатать приговоръ въ газетахъ на ихъ счетъ. Защитникъ подсудимаго Пипирса ходатайствовалъ объ оправданіи послѣдняго.

З А К О Н Ы:

Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 1039. За всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени, виновный подвергается:

денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или же, по усмотрѣнію суда, одному изъ сихъ наказаній.

Если подсудимый, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, докажетъ справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то онъ освобождается отъ наказанія, налагаемаго сею статьею; но онъ можетъ быть подвергнутъ взысканію по слѣдующей 1040 статьѣ, если судъ въ формѣ преслѣдуемаго сочиненія или въ способѣ его распространенія и другихъ обстоятельствахъ усмотритъ явный умыселъ нанести должностному лицу или установленію оскорбленіе.

Ст. 1040. За всякій оскорбительный отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, выражающій или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства, виновный подвергается:

денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей и аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ, или заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Ст. 1535. Кто дозволить себѣ, въ представленной присутственному мѣсту или чиновнику бумагѣ, оклеветать кого либо несправедливо, обвиняя его или жену его или членовъ его семейства въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, тотъ подвергается:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Тому же наказанію и на томъ же основаніи подвергаются и тѣ, которые дозволятъ себѣ клевету въ печатномъ или же инымъ образомъ, по ихъ распоряженію или съ ихъ согласія, распространенномъ и получившемъ гласность сочиненіи или письмѣ.

Уставъ уголовного судопроизводства.

Ст. 630. Прокуроръ или частный обвинитель съ одной стороны, а подсудимый или его защитникъ съ другой, пользуются въ судебномъ состязаніи одинаковыми правами. Какъ той, такъ и другой сторонѣ представляется:

- 1) представлять, въ подтвержденіе своихъ показаній, доказательства;
- 2) отводить по законнымъ причинамъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя суда, вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и просить, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или въ отсутствіи другъ друга;
- 3) дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствию, исходящему на судѣ, и
- 4) опровергать доводы и соображенія противной стороны.

Ст. 766. Судьи должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Ст. 868. Въ случаѣ пропуска срока по уважительнымъ причинамъ, возстановленіе его зависитъ отъ того же суда, противъ приговора коего отзывъ поданъ.

Ст. 892. Въ приговорѣ палаты должно быть означено точно и положительно, по какимъ основаніямъ она утверждаетъ или отмѣняетъ, вполнѣ или отчасти, приговоръ окружнаго суда, и что именно постановляетъ вмѣсто отмѣняемаго ею приговора.

Ст. 900. Частныя жалобы и протесты разсматриваются судебною палатою въ публичномъ засѣданіи и разрѣшаются немедленно по ихъ полученіи.

Выписка изъ проекта редакціонной комисіи по составленію новаго уголовного уложенія и объяснительной къ проекту записки.

Ст. 77. Разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь, не почитается преступнымъ, если обвиняемый докажетъ:

Проектъ.

- 1) достовѣрность разглашеннаго обстоятельства; или
- 2) что разглашеніе было имъ учинено ради государственной или общественной пользы, или ради защиты личной чести или чести его семьи, и что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ.

Но и въ сихъ случаяхъ обвиняемый можетъ подлежать наказанію за обиду, если таковая заключается въ формѣ или условіяхъ разглашенія.

Въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ опозореніе должно быть кон- Объяснит. запис.
струировано сходно съ обидою. Такимъ образомъ, опозореніе, какъ и стр. 482, 486 и
обида, предполагаетъ, что сообщенное или оглашенное обстоятельство 488.
позоритъ честь и доброе имя лица, унижаетъ его нравственную личность. Опозореніе можетъ быть выполнено всѣми тѣми средствами, коими осуществляется и обида. Наше дѣйствующее право по отношенію къ клеветѣ указываетъ на три способа ея распространенія: на словахъ, на письмѣ (ст. 136 мир. уст.) и въ печати (2 часть ст. 1535), а относительно опозоренія упоминаетъ только о печати (ст. 1039 улож.). Редакціонная комиссія, съ своей стороны, полагая, что по ст. 73 проекта опозореніе будетъ обнимать собою, какъ клевету, такъ и опозореніе въ тѣсномъ смыслѣ, находитъ, что способомъ его выраженія можетъ быть не только печать, но и письмо, слова, а при извѣстныхъ условіяхъ даже и символическій знакъ, а потому и не считаетъ необходимымъ дѣлать по этому поводу какія либо особыя указанія въ законѣ. По дѣйствующему праву при клеветѣ (ст. 1535 ул.) требовалось распространеніе „обвиненія въ дѣяніи“, а при опозореніи (ст. 1039 ул.) „разглашеніе обстоятельства“. Редакціонная комиссія усвоила въ текстѣ 73 ст. послѣдній терминъ въ

томъ соображеніи, что ограниченіе понятія опозоренія случаями разглашенія слуховъ о дѣяніи весьма нерѣдко можетъ оказаться слишкомъ узкимъ. Позорнымъ можетъ быть не только то, что выполнено, учинено виновнымъ, но и то, что выполнено надъ нимъ или по поводу его. . . . Но, какъ обвиненіе въ дѣяніи, такъ и разглашеніе обстоятельствъ одинаково предполагаютъ, что было рассказано или сообщено событіе, фактъ или же рядъ такихъ событій, т. е. что либо совершившееся или совершающееся. Высказываніе предположеній о томъ, что лицо въ томъ или другомъ положеніи будетъ вести себя безчестно или позорно, приписаніе ему позорнаго желанія, намѣренія, не можетъ почитаться опозореніемъ, а будетъ обидою. Точно также одно сужденіе о фактѣ, будетъ ли это сужденіе выражаться въ прямомъ порицаніи событія, или въ сравненіи его съ другими позорными дѣяніями, должно быть почитаемо обидою, а не опозореніемъ.

Къ разъясненію возбуждаемыхъ по настоящему дѣлу вопросовъ могутъ служить слѣдующія рѣшенія уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

1870 г. № 1099 по д. Кузнецова.

Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что, на основаніи 118 и 868 ст. уст. угол. судопр., возстановленіе срока на обжалованіе судебныхъ приговоровъ зависитъ отъ того суда, которымъ постановленъ приговоръ, подлежащій обжалованію, и опредѣленія судебныхъ мѣстъ по этому предмету, какъ не подходящія подъ условія окончательныхъ приговоровъ, подлежащихъ, на основаніи 173 ст. уст. угол. судопр., обжалованію въ кассационномъ порядкѣ, не могутъ быть обжалованы въ этомъ порядкѣ, такъ какъ разрѣшеніе вопроса объ уважительности причинъ пропуска срока относится до обсужденія и оцѣнки этихъ причинъ по существу, что не согласно съ учрежденіемъ кассационнаго суда (5 ст. учр. суд. уст.).

1881 г. № 37 по дѣлу Дмитріева.

Правительствующій Сенатъ призналъ, что по вопросу о порядкѣ возстановленія судами сроковъ на обжалованіе постановленныхъ ими приговоровъ въ уставѣ уголовного судопроизводства содержится только одно постановленіе закона, помѣщенное въ ряду узаконеній, устанавливающихъ порядокъ подачи апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ, а именно ст. 868 у. у. с., въ которой изложено, что „въ случаѣ пропуска срока по уважительнымъ причинамъ, возстановленіе его зависитъ отъ того же усуда, противъ приговора коего отзывъ поданъ“. Правило это, относящееся соб-

ственно къ порядку возстановленія сроковъ на обжалованіе неокончательныхъ приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ въ апелляціонномъ порядкѣ, подлежитъ примѣненію, за силою ст. 118 у. у. с., и къ дѣламъ мировыхъ судебныхъ установленій (кас. рѣш. 1866 г. № 48 и 1868 г. № 192 по д. Сизикова и Попова), а, равнымъ образомъ, по точному смыслу ст. 910 у. у. с., распространяется и на случай возстановленія сроковъ на обжалованіе окончательныхъ судебныхъ приговоровъ уголовныхъ судовъ въ кассационномъ порядкѣ. По поводу возникавшихъ уже, прежде сего, вопросовъ о порядкѣ осуществленія уголовными судами права, предоставляемого имъ ст. 868 у. у. с., Правительствующій Сенатъ, въ кассац. рѣшеніяхъ своихъ 1869 г. № 443 и 1873 г. № 347 по д. Федоровскаго и Романюты, производившимся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, разъяснилъ: а) что пропущенный участвующею въ дѣлѣ стороною срокъ на обжалованіе судебного приговора возстановляется судомъ, на основаніи ст. 868 у. у. с., не безусловно, а по уважительнымъ причинамъ, причемъ не должны быть допускаемы никакой произволь или снисхожденіе судей, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, непоколебимость судебного рѣшенія была бы поставлена въ зависимость отъ причинъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ; б) что постановленіе суда о такомъ важномъ судебномъ дѣйствіи, какимъ представляется возстановленіе срока на подачу отзыва, несомнѣнно должно быть удостовѣрено надлежащимъ порядкомъ и въ той формѣ, которая установлена для записыванія всего вообще, относящагося къ производству дѣла, и слѣдовательно постановленіе мирового судьи по сему предмету должно быть изложено въ особомъ протоколѣ, согласно указанію ст. 142 п. 7-го у. у. с. и 164 учр. суд. уст. (337 общ. губ. учр. изд. 1876 г.); и в) что, засимъ, мировой съѣздъ не вправе приступать къ разсмотрѣнію дѣла, хотя бы и представленнаго мировымъ судьей съ приложеніемъ апелляціоннаго отзыва, если изъ дѣла видно, что отзывъ этотъ поданъ былъ по истеченіи узаконеннаго срока и мировымъ судьей не было составлено требуемаго ст. 142 у. у. с. протокола о возстановленіи права на подачу отзыва съ объясненіемъ причинъ, по которымъ испрашивалось возстановленіе срока и основаній, по которымъ самыя причины возстановленія срока представлялись заслуживающими уваженія. Въ другихъ кассационныхъ рѣшеніяхъ своихъ, допуская обжалованіе мировымъ съѣздамъ постановленій мировыхъ судей, какъ о возстановленіи сроковъ на принесеніе отзывовъ, такъ и объ отказѣ въ удовлетвореніи просьбъ этого рода (кас. рѣш. 1870 г. № 94, 1875 г. № 361 и 1876 г. №№ 46 и 266 по д. Козакова, Абанина, Спиридонова и Егорова), Правительствующій Сенатъ не указываетъ, чтобы судъ обязанъ былъ о поступленіи просьбъ о возстановленіи пропущенныхъ сроковъ на подачу отзывовъ объявлять прочимъ участвующимъ въ дѣлѣ

сторонамъ, съ назначеніемъ явки ихъ на судъ, для разсмотрѣнія ходатайствъ этого рода въ порядкѣ состязательнаго судопроизводства, — по той, безъ сомнѣнія, причинѣ, что въ уставѣ уголовнаго судопроизводства не содержится постановленія, соотвѣтствующаго ст. 838 уст. гражд. судопр., и условія возстановленія сроковъ на обжалованіе рѣшеній гражданскихъ судебныхъ мѣстъ существенно разнятся отъ условій возстановленія сроковъ на обжалованіе приговоровъ уголовныхъ судовъ. Нельзя, однако, не признать, что необходимость поставить въ извѣстность участвующія въ дѣлѣ стороны о возстановленіи одной изъ нихъ утраченнаго, чрезъ пропускъ срока, права на обжалованіе судебного приговора, — вызывается требованіями строгой справедливости и оправдывается самымъ содержаніемъ постановленій устава уголов. судопр., относящихся до подобныхъ сему случаевъ. Уголовный законъ не опредѣляетъ времени, въ продолженіи котораго можетъ быть заявлено ходатайство о возстановленіи пропущеннаго срока на обжалованіе судебного приговора, и, слѣдовательно, по истеченіи узаконеннаго срока на принесеніе недовольною стороною отзыва, прочія участвующія въ дѣлѣ стороны вправѣ почитать приговоръ вступившимъ въ законную силу и затѣмъ не обязаны уже слѣдить за дальнѣйшею подачею недовольною стороною отзыва въ судъ, при условіи, предусмотрѣнномъ ст. 868 у. у. с. Хотя, за силою ст. 157 у. у. с., стороны не вызываются къ разбирательству дѣла въ мировомъ сѣздѣ, за исключеніемъ безусловной явки въ сѣздъ лицъ, обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою наказаніе тюремнымъ заключеніемъ, но это общее правило закона не можетъ быть распространяемо на тѣ случаи, когда дѣло доходитъ до разсмотрѣнія мировыхъ сѣздовъ, при наличности особыхъ исключительныхъ условій, а именно когда дѣло возобновляется производствомъ по отзыву, поданному по истеченіи установленнаго закономъ срока, вслѣдствіе признанной, согласно ст. 868 у. у. с., уважительности причинъ, по которымъ срокъ этотъ былъ пропущенъ жалующеюся стороною. Если справедливо возстановленіе въ законномъ правѣ стороны, утратившей это право по независѣвшимъ отъ нея причинамъ, то не менѣе справедливо и огражденіе правъ прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, не допустившихъ ни въ чемъ нарушенія постановленій или требованій закона; посему, если послѣ отмѣны окончательнаго приговора мирового сѣзда въ кассационномъ порядкѣ, ст. 179 у. у. с. обязываетъ сѣздъ приступать къ новому рѣшенію дѣла не иначе, какъ по вызовѣ сторонъ, то тѣмъ болѣе необходимо извѣщеніе сторонъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла, по возстановленіи срока на обжалованіе приговора, который уже почитался вступившимъ въ окончательную законную силу. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, Правительствующій Сенатъ полагаетъ необходимымъ постановить правиломъ: чтобы о подачѣ вновь отзыва сто-

роною, которой возстановленъ былъ срокъ на обжалованіе уголовного приговора, судъ, постановившій этотъ приговоръ и возстановившій срокъ на обжалованіе его, поставлялъ немедленно въ извѣстность прочія, участвующія въ дѣлѣ, стороны, дабы онѣ не были лишены возможности своевременно воспользоваться огражденіемъ правъ своихъ на судѣ, при пересмотрѣ дѣла въ высшей степени суда.

1870 г. № 822 по д. Демидова.

Правительствующимъ Сенатомъ разъяснено, что законъ не опредѣляетъ что должно разумѣть подъ дѣяніемъ, противнымъ правиламъ чести, а подчиняетъ это опредѣленіе общепринятому понятію.

1870 г. № 221 по д. Бункиныхъ.

Правительствующій Сенатъ нашель, что указаніе на какое либо опредѣленное по времени и мѣсту совершеніе противнаго правиламъ чести дѣянія не есть необходимое условіе наличности клеветы, которая отличается отъ брани тѣмъ, что, не приписывая кому либо извѣстнаго позорнаго дѣйствія, она состоитъ въ произнесеніи на его счетъ и въ его присутствіи оскорбительныхъ для его личности и ругательнаго свойства словъ.

1871 г. № 13 по д. Постникова.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ, что названіе кого либо такимъ словомъ, которое совмѣщаетъ въ себѣ понятіе о цѣломъ рядѣ противныхъ чести поступковъ, составляетъ клевету.

И. о. Оберъ-Секретаря А. Ходневъ.

